

Для всех мирских соблазнов он уже не испытывал никакого влечения и спокойно принял свою смехотворную судьбу «невинно погибшего». Единственное, что его терзало, — это мысль о том, что те, кто оклеветал его, подставил и загнал в угол, всё ещё живы, процветают и наслаждаются жизнью. Ещё больше его мучила мысль о том, что он оставляет Лин Си одного.

У Лин Си не было ни родственников, ни друзей, и потому некому было забрать его останки, поставить надгробие и провести поминальные обряды. При жизни Лин Си был одинок, и даже после смерти он остался таким же. Всё, что у него было, — это короткий момент, когда их руки сцепились перед самой смертью. Раньше Лин Си любил музыку так же сильно, как и саму жизнь. Когда он больше не смог играть на фортепиано и петь, Лу Сяоянь думал, что он сломается, но этого не произошло. Он продолжал жить, проявляя невероятную стойкость. Лу Сяоянь никогда не думал, что причиной, по которой Лин Си продолжал жить, был он сам.

Эта жестокая смерть наконец открыла Лу Сяояню одну вещь — в этом мире нельзя доверять никому. Родители могут порвать все связи, супруги могут разойтись, братья могут стать врагами. Единственный, кто никогда не оставит его, — это Лин Си. Даже если они ссорились, даже если они причиняли друг другу боль самыми жестокими словами, даже если они дрались и наносили друг другу раны, Лин Си всё равно оставался с ним. Лу Сяоянь был богатым наследником, и Лин Си сам приходил к нему, чтобы быть его содержанкой. Если Лу Сяоянь оказывался в безвыходной ситуации, сидя на обочине и прося милостыню, Лин Си был рядом, чтобы согреть его. Даже если однажды Лу Сяоянь оказался бы в гробу, Лин Си безмолвно втиснулся бы туда и лег бы рядом с ним.

Он не знал, превратился ли Лин Си в духа, блуждающего в невидимых уголках мира, и наблюдает ли он за этим недоступным миром. Когда Лу Сяоянь наконец захотел сказать Лин Си что-то от всего сердца, тот уже не мог его услышать.

Лин Си, если будет следующая жизнь, я обязательно помогу тебе с честью выйти на сцену, чтобы ты смог показать свой талант и осуществить свои мечты.

Лин Си, если будет следующая жизнь, не улыбайся мне, не будь добр ко мне и не влюбляйся в меня снова. Я не стою этого.

Лин Си, если действительно будет следующая жизнь, ты, возможно, даже не узнаешь меня... Ничего страшного, я буду помнить тебя, я найду тебя...

Продолжая падать в темноте, падать... Внезапно его охватило головокружение от потери веса, и тело словно обрело тяжесть. Лу Сяоянь явно почувствовал, как его спина упирается во что-то твёрдое, причиняя боль позвоночнику. Он начал ощупывать пространство вокруг и понял, что лежит на деревянной скамье.

Дзынь-дзынь... Сначала до его ушей донёлся мелодичный звук сталкивающихся стеклянных сосудов, затем лёгкие шаги кого-то, кто ходил туда-сюда, а потом — мелодичные звуки музыки, пения и разговоры на разных языках, наполненные разными эмоциями...

Лу Сяоянь попытался пошевелить головой, но она была тяжёлой, словно налитой свинцом, и он ощущал себя как после сильного похмелья. Какая-то сила тянула его, раз за разом, почти сдвигая с места. С трудом открыв слипшиеся веки, он увидел яркий жёлтый свет, который ударил по глазам, заставив его сильно сморщиться.

В поле зрения появился размытый силуэт. Это, должно быть, был мужчина, лет восемнадцати-девятнадцати, в чёрной бейсболке, из-под козырька которой проглядывали большие глаза, тёмные и влажные... Лу Сяоянь открыл рот от изумления, почти забыв дышать. Он не мог

поверить своим глазам — это был Лин Си!

Как это мог быть Лин Си? Неужели Небеса дали ему шанс в последний раз увидеть Лин Си на мосту Забвения?

Множество воспоминаний, слов и эмоций хлынули в его сознание, заставляя горло сжиматься, а нос — щипать.

— Ты... ты не специально меня ждёшь?

Слава богу, он всё ещё помнил, как говорить!

Лин Си смотрел на него без выражения на лице, сильно дёрнув рукой.

— Извини, посторонись, ты мне на одежду наступаешь.

У Лу Сяояня в ушах звенело, и он почти не слышал, что говорит Лин Си. Вставая с трудом, он протянул дрожащую руку и с нежностью потянулся к щеке Лин Си... Боже! Это лицо было настоящим, тёплым, это был живой Лин Си!

Этот жест вызвал недовольство у Лин Си, и он, нахмурившись, отвёл руку. Лу Сяоянь с ещё большим удивлением обнаружил, что та рука была целой, с пятью длинными и чистыми пальцами, без малейших следов повреждений. Он схватил её и сжал, не в силах сдержать волнения.

— Как же это...

Не успел Лу Сяоянь выразить своё недоумение, как Лин Си с отвращением поднял ногу и с силой ударил её в грудь Лу Сяояня, отправив его далеко назад. Лу Сяоянь, опрокидывая столы и стулья, упал на спину...

Всё завертелось перед глазами, и Лу Сяоянь оказался лежащим на полу, беспомощно раскинув руки и ноги, словно перевёрнутая черепаха. Прежде чем он успел понять, что произошло, его тело уже отреагировало само по себе, и он резко поднялся, ударив с силой кулаком в висок Лин Си.

Лин Си, понимая, что не успеет увернуться, стиснул зубы и приготовился принять удар. Но ожидаемая боль не наступила. Осторожно открыв глаза, он увидел, что кулак Лу Сяояня замер в двух сантиметрах от его щеки, а затем медленно опустился.

Именно мимолётный взгляд беспомощности в глазах Лин Си пробудил Лу Сяояня, и его запутанные мысли начали проясняться. Он помнил, что умер, пронзённый веткой на пути к бегству, и его кровь почти вся вытекла. Потом... потом он скитался на кладбище много лет, пока наконец не пришло время переродиться, но, открыв глаза, он увидел Лин Си... Нет, точнее, это был не тот Лин Си, которого он помнил. Этот Лин Си выглядел моложе, был более хрупким и, кажется, ниже ростом...

С полным недоумением Лу Сяоянь огляделся. Он находился в баре, огромная L-образная стойка занимала половину стены, напротив стояли несколько больших мягких чёрных диванов, а на круглой сцене коротковолосая девушка пела под гитару. Всё это казалось ему знакомым, даже бармен с усами и зализанными волосами за стойкой выглядел как будто знакомым... Он вспомнил: когда-то офис Тяньсин находился недалеко отсюда, и в какой-то период они, закончив дела в выходные, заходили сюда, чтобы выпить, послушать музыку и поболтать,

подшучивая друг над другом, обсуждая бессмысленные темы, но при этом испытывая настоящую радость...

Лу Сяоянь начал что-то смутно понимать и быстро достал из кармана телефон — это был новый, но устаревший смартфон, на экране которого чётко отображалась дата: 30 апреля 2007 года... Проверив все функции телефона и убедившись, что он работает нормально, он всё ещё не мог поверить, что переместился во времени на семь лет назад.

Семь лет назад ему было двадцать пять, а Лин Си — девятнадцать, и они даже не были знакомы. Все их расставания и ссоры ещё не произошли... Если это сон, он хотел бы никогда не просыпаться...

Услышав шум, менеджер поспешно подбежал и, не разобравшись в ситуации, начал отчитывать Лин Си.

— Ты чего устроил! И ещё решился ударить гостя, ты вообще работать хочешь?

— Это он... — Лин Си показал подбородком на Лу Сяояня, хотел объяснить, но ситуация была слишком неловкой, и он лишь невнятно пробормотал. — Он ненормальный...

Коротковолосая певица, ставшая свидетелем происшествия, не выдержала и вступилась.

— Я всё видела, это гость первый начал, он трогал его за лицо и руку не отпускал.

— Что происходит? Что за драка? — раздался крик со стороны лестницы.

Лу Сяоянь обернулся и увидел, как Линь Гуанлэ, одетый в пёстрый спортивный костюм, подбежал, а за ним следовали Цай Шимо и Дай Чжию.

Линь Гуанлэ был здесь завсегдатаем, и все, от владельца до уборщицы, знали его как расточительного богача. Те, кто ходил с ним, тоже были людьми не бедными. Любой, кто имел хоть каплю здравого смысла, не стал бы защищать Лин Си, рискуя рассориться с такими людьми.

<http://bllate.org/book/16461/1493630>